

УДК 327(569.1)
ББК 66.4(5 Сир)
С 17

А.А. Самохин,

кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, г. Краснодар, тел.: +79180220885, e-mail: samalex-55@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА (2011–2016 гг.)

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена изучению геополитических интересов, определяющих политику некоторых сторон, вовлеченных в сирийский кризис. Подчеркивается, что дестабилизация политической обстановки в ближневосточном регионе превращается в один из главных вызовов энергетической безопасности мира.

Ключевые слова: международный терроризм, национальные интересы, энергетическая политика, военное вмешательство.

A.A. Samokhin,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of Modern and Contemporary History and International Relations, the Kuban State University, Krasnodar, ph.: +79180220885, e-mail: samalex-55@mail.ru

SOME ASPECTS OF GEOPOLITICAL MEASUREMENT OF THE SYRIAN CRISIS (THE YEARS 2011–2016)

Abstract. The paper explores the geopolitical interests defining policy of some parties involved in the Syrian crisis.

Keywords: international terrorism, national interests, power policy, military intervention.

Для России, участвующей в решении сирийского кризиса, перво-степенное значение имеет растущее влияние фактора ИГИЛ (исламское государство, запрещенное в РФ) и других радикальных групп на постсоветское пространство и собственную территорию. ИГИЛ, осуществляющее военное присутствие на территории Афганистана, продемонстрировало серьезный потенциал по дестабилизации Таджикистана. В случае разрастания террористической деятельности ИГИЛ в Центральной Азии и начала там региональной войны полное масштабное вовлечение в нее России предопределено. Следовательно, си-

рийская операция является вступлением в фактически неизбежную войну на выгодных для России условиях – вдали от границ бывшего СССР и без участия российских сухопутных войск [1].

Таким образом, вмешательство в Сирию позволяет в самом худшем случае отсрочить полномасштабную сухопутную войну с участием России в бывшей советской Средней Азии на годы, а в лучшем – предотвратить ее.

Советско-сирийский альянс был создан в годы холодной войны. После ее окончания Сирия – клиент российской военной промышленности – осталась одной из стран

Ближнего Востока, где Москва сохранила завоеванные в советскую эпоху геополитические позиции. Ее армия использует советские и российские вооружения, а некоторые сирийские офицеры прошли подготовку в России [2]. По некоторым оценкам, 72% всего оружия, которое покупает Сирия, российское. При этом за годы войны потребности Сирии в новом оружии выросли в 5 раз, и она стала крупнейшим покупателем продукции нашей оборонной промышленности [3].

Сохранение Б. Асада у власти отвечает ряду российских интересов. Американская интервенция остановила бы тенденцию к сокращению военной активности США за рубежом, инициированную президентом Бараком Обамой, – тенденцию, которую Москва считает позитивной. Кроме того, Россия стремится не допустить смены режима в Сирии насильственным способом извне, что было бы чревато опасными последствиями для постсоветских государств на российской периферии и населенных мусульманами регионов Северного Кавказа и Поволжья Российской Федерации.

Кроме того, Сирия занимает важное место в геополитических устремлениях России. Российский военно-морской флот имеет небольшой пункт материально-технического обеспечения в сирийском порту Тартус, который является единственной российской военной базой за пределами бывшего СССР [4]. База в Тартусе способна обеспечить присутствие российского флота в Средиземном море даже в случае обострения отношений с Турцией, контролирующей черноморские проливы. Этот стратегический объект в настоящее время скромнее по масштабам, но важен в свете намерений России усилить свою геополитическую роль в восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. И поскольку в настоящее время российская внешняя политика

обретает идеологический аспект, а русская православная церковь становится одним из ключевых партнеров Кремля, защита сокращающегося христианского меньшинства в Сирии и на Ближнем Востоке в целом, судя по всему, превращается в один из ее новых геополитических интересов [2].

При оценке интересов России в Сирии не стоит забывать также и об энергополитическом измерении конфликта. Война в Сирии – это во многом эхо борьбы, которую начали крупнейшие игроки мирового газового рынка. Главный приз в этой борьбе – доступ на крупнейший и самый щедрый газовый рынок Европы [5].

К началу «арабской весны» в 2010 году ЕС подошел в тяжелом экономическом состоянии. Из-за кризиса многие страны ЕС сократили субсидии новых проектов в области возобновляемой энергетики. Еще одной «зеленой» альтернативой углеводородам должна была стать атомная энергетика, которая бурно развивалась в 2000-е гг. Однако после трагедии на АЭС «Фукусима» число сторонников атомной энергетики в Европе резко сократилось. Доля электроэнергии, производимой на атомных станциях в Европе, будет неуклонно сокращаться. Станции постепенно закрываются «из-за возраста»: в планах до 2025 г. предусмотрена остановка одной трети из ныне действующих 144 реакторов.

В итоге, выбирая из всех существующих энергоносителей, европейские страны решили сделать ставку именно на природный газ как самый экологически безопасный из всех углеводородов. В перспективе доля газа в европейском энергобалансе (на начало 2010 г. она составляла 18,8%) продолжает неуклонно расти. А учитывая ограниченные возможности наращивания добычи на месторождениях в Северном море, рост потребления

будет удовлетворяться за счет газового импорта.

Если цены на нефть и уголь фактически определяются биржевыми котировками, то газовые являются во многом предметом договорных соглашений между продавцом и покупателем. В этом плане Брюссель не устраивает цена долгосрочных контрактов на газ, устанавливаемых «Газпромом» и норвежской Statoil [5].

Ситуация стала улучшаться после начала «сланцевой революции» в США, благодаря которой значительные объемы СПГ были переориентированы с американского рынка на европейский. Однако Брюссель не оставил надежды получить новые источники трубопроводного газа. И «арабская весна» предоставила такую возможность. Однако для этого должно было исчезнуть одно важное препятствие – режим Башара Асада в Сирии.

В выстраивании ближневосточной стратегии Евросоюз особое внимание придает развитию экономических отношений с Саудовской Аравией. Так, Берлин впервые одобрил продажу танков «Леопард II» в Саудовскую Аравию, несмотря на «недемократичность режима» и возможность их использования для подавления протестов в том же Бахрейне.

В свою очередь, на фоне охлаждения отношений с Вашингтоном Эр-Рияд стремится укреплять отношения с Европой. Примечательно, что на 2010 год ЕС вышел на первое место в качестве поставщика продукции ВПК для Саудовской Аравии [5].

Ситуация в Иордании с газопроводной точки зрения еще больше отвечает интересам Катара и ЕС. Король Абдалла II получает значительные субсидии от Катара, кроме того, Доха имеет серьезное влияние на иорданскую оппозицию в лице «Братьев-мусульман». Так что, несмотря на нестабильность в стране, проект газопровода не по-

страдает даже в случае смены власти в Аммане. Единственным проблемным участком остается Сирия Башара Асада.

Неудивительно, что в этих условиях Катар стал одним из главных вдохновителей борьбы с сирийским режимом. Ведь в случае его победы в гражданской войне падет последнее препятствие на пути газовой трубы из Катара на берег Средиземного моря [6]. Похожей логикой во многом могут объясняться и действия стран ЕС.

У Соединенных Штатов Америки есть и свое видение того, как должна развиваться ситуация в регионе. Альтернатива дальнейшей дестабилизации Ближнего Востока – выстраивание новой системы сдержек и противовесов, в той или иной степени ориентирующейся на Вашингтон. Наиболее удобным вариантом является создание треугольника, в котором всегда можно было бы объединить при необходимости две стороны против наиболее сильной и, тем самым, поддерживать выгодный для Вашингтона баланс. Такой треугольник может быть создан с участием трех ключевых ближневосточных сил – Ирана, Турции и Египта. То есть с одной стороны – сильный Иран, претендующий на влияние в большом шиитском мире, с другой – Египет и Турция, конкурирующие между собой за влияние в суннитской зоне и при этом совместно сдерживающие дальнейшую экспансию Ирана [5].

Таким образом, в борьбе вокруг Сирии симпатии США – на стороне катарцев и европейцев.

Впрочем, у сирийского режима есть мощный союзник – Иран. И энергополитических соображений в действиях Тегерана по поддержке Дамаска ничуть не меньше, чем у Катара или ЕС.

Иранцы давно вынашивали свои планы на строительство газопровода к побережью дружественной Сирии. Долгое время реализации этих замыслов мешал суннитский

режим Саддама Хусейна. Однако после свержения иракского диктатора путь для иранского газа в Сирию оказался открыт – так как к власти в Ираке пришло шиитское большинство, а влияние Тегерана на соседнюю страну резко возросло.

В июле 2011 года Сирия, Иран и Ирак подписали энергетическое соглашение, согласно которому трубопровод с предполагаемой стоимостью 10 миллиардов долларов и трёхлетним сроком строительства должен был пройти от иранского порта Ассалуе в районе газового месторождения Южный Парс в Персидском заливе до Дамаска в Сирии через территорию Ирака. Таким образом, реализация проекта газопровода может скрепить преимущественно шиитскую ось крепкой экономической «пуповиной».

Фактически идет жесткая конкуренция за выбор маршрута транспортировки газа из одного и того же месторождения, часть которого контролирует Катар, а часть – Иран [5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что России, по существу, не выгодны оба проекта газопроводов, способных составить конкуренцию Газпрому на европейском рынке, но в случае реализации иранского проекта России будет проще договариваться о взаимоприемлемых условиях с Исламской республикой, чем с Катаром.

С момента начала внутрисирийского конфликта Российская Федерация всерьез озабочена сохранением правительства Б. Асада в управлении государством. В этой связи сирийскому руководству настоятельно рекомендовали наладить диалог с оппозицией, чтобы не допустить вооруженного восстания.

По мере перерастания конфликта в гражданскую войну основную озабоченность у России стала вызывать возможная интервенция Запада или арабских стран в Сирию с целью замены режима Б. Асада прозападным правительством. Руководство РФ было потрясено собы-

тиями в Ливии в 2011 г., когда ее решение не накладывать вето на резолюцию Совета Безопасности ООН о введении над этой страной бесполетной зоны создало возможность для военного вмешательства НАТО и смены режима в стране. Россия восприняла случай с Ливией как прецедент, который не должен повториться в Сирии, поэтому Москва отвергала в Совете Безопасности любые предложения, связанные с осуждением режима Б. Асада.

Благодаря хорошей осведомленности о ситуации в Сирии российское руководство довольно быстро пришло к выводу, что в отсутствие иностранного военного вмешательства у правительства Б. Асада есть все шансы сохранить власть. Эта оценка диаметрально расходилась с расчетами многих деятелей в Вашингтоне и ряде европейских столиц, считавших, что правящий режим в Сирии вот-вот падет. Москва не отказывалась от диалога с сирийской оппозицией, но обнаружила, что повстанческие силы слабы, разрозненны и выдвигают нереалистичные требования – это опять же противоречило точке зрения, превалировавшей на Западе и во многих арабских странах [2].

Москва считает, что в политике США в отношении Сирии отсутствуют стратегические цели, четкие задачи и реалистичные оценки. По мнению российской стороны, сирийская политика Вашингтона говорит как о перенапряжении сил Америки на мировой арене, так и о ее нарастающей «усталости» [7].

С точки зрения Москвы, продолжение конфликта в Сирии создает опасность роста численности боеготовых и идеологически обработанных джихадистов, которые могут вернуться (и уже возвращаются) на родину, в том числе в Россию и соседние государства Центральной Азии. По существующим оценкам, в Сирии в рядах радикальных исламистов воюют от 2 до 5 тысяч выходцев из России [8].

Преобладание джихадистских элементов в составе антиасадовских сил в Сирии затрудняет и усилия по мирному урегулированию конфликта [9].

Вовлеченность Российской Федерации в сирийский конфликт обусловлена двумя основными стратегическими целями: бросить вызов американской гегемонии на мировой арене и помочь правительству президента Сирии Башара Асада в борьбе с радикалами-исламистами, являющимися

реальной угрозой национальной безопасности России.

Обострение сирийского конфликта вынуждает российское руководство играть более активную роль в борьбе с международным терроризмом, способствовать налаживанию мирного переговорного процесса и решению ряда проблем вроде уничтожения химического оружия и гуманитарной помощи. В случае решения этих задач, престиж РФ в ближневосточном регионе и мире в целом будет расти.

Примечания:

1. Кашин В. Зачем России война в Сирии. URL: <http://www.vedomosti.ru>
2. Тренин Д. Интересы России в Сирии. URL: <http://carnegie.Ru>
3. Багдасаров С. Сирия: Причины конфликта. Пути выхода. URL: <http://sabagdasarov.ru>
4. Сатановский Е. Идем на Восток // Военно-промышленный курьер. 2015. № 38 (604).
5. Султанов Э. Еще один газ. URL: <http://www.kommersant.ru>.
6. Taylor R. Pipeline Politics in Syria // Armed Forces Journal. URL: <http://www.armedforcesjournal.com>
7. Хроленко А. Война в Сирии для России – упреждающая война. URL: <http://vz.ru>
8. Сатановский Е. Чего ждать от участия России в войне на Ближнем Востоке? URL: <http://sobesednik.ru>
9. Акопов П. Войска РФ в Сирии – защита национальных интересов России. URL: <http://ria.ru>

References:

1. Kashin V. What Russia needs war in Syria for. URL: <http://www.vedomosti.ru>
2. Trenin D. Russian interests in Syria. URL: <http://carnegie.Ru>
3. Bagdasarov S. Syria: The causes of the conflict. Ways out. URL: <http://sabagdasarov.ru>
4. Satanovsky E. Let's go East // Military-Industrial Courier. No. 38 (604). 10. 7. 2015.
5. Sultanov E. Another gas. URL: <http://www.kommersant.ru>.
6. Taylor R. Pipeline Politics in Syria – Armed Forces Journal. URL: <http://www.armedforcesjournal.com>
7. Khrolenko A. The war in Syria is a pre-emptive war for Russia. URL: <http://vz.ru>
8. Satanovsky E. What to expect from Russia's participation in the war in the Middle East? URL: <http://sobesednik.ru>
9. Akopov P. Russian troops in Syria as the protection of national interests of Russia. URL: <http://ria.ru>